

Суфийский образ жизни в братстве Йасавийа

Хикметы ходжи Ахмеда Йасави представляют собой своеобразную суфийскую библиотеку, в которой присутствует и «инструкции», представляющие систему «правильного поведения» (*адаб*) в обществе шейха и муридов, вплоть до их внешнего вида, включая общий стиль одежды. В частности, своих учеников шейх Ахмед Йасави призывал носить шапки:

43:19. Явная ошибка встать на путь без кулоха.

43:20. У вставших на путь целью являются страдания, друзья.

Кулох – конусообразная шапка, которую носили суфии. О. Сухорева, исследовавшая среднеазиатскую одежду, отмечала, что эта шапка «... являлась у накшбандийцев, вышедших, как и Ходжа Ахмед Ясави из школы шейха Хамадани, первым атрибутом в одежде по мере прохождения духовных степеней [1, с. 74]. Следует отметить и второй предмет одежды, упоминаемый в целом ряде хикметов, который, очевидно, присутствовал в братстве Йасавийа в качестве признака посвящения «*камар* – пояс»:

15:5. Теперь, придя в обитель, опоясанный в знак траура,

65:14. Распростившиеся с душой, плотно опоясывавшиеся,

65:15. Постигающие, трудясь, тайны истины.

Суфийский пояс должен был отличаться от поясов мирян и, скорее всего, этот пояс представлял собой грубую веревку из конского волоса: «(98:29) О, за четки берясь, волосяной пояс хорошо узнайте». А строка из хикмета № 51 свидетельствует, что суфии опоясывались в знак поступления на службу пирам, когда получали от них благословление: «(51:3) Посох в руках, благословения богатство на поясе». У отрицательного персонажа Ахмеда Йасави на поясе подвешена совсем иная ценность, чуждая суфийскому миропорядку и мировоззрению: «(70:34) Что осталось от творившего свободную молитву Фергауна вместе с его поясом с кошельком».

Возвращаясь к системе правильного поведения суфия – *адаб*, то она направлена была не только на укрепление дисциплины в общине, но и способствовала десантированию суфиев от обычных мусульман, среди которых особенно неприятны были для составителя уроков поведения, изложенных в хикметах, на ряду с приверженцами греха, невежды:

42:21. Уа, поэтому надежды невежд не осуществимы,

42:22. Не спеши за ними в желанье получить приятность и дары.

42:23. Душа велика – поведение не верно, святость им не известна,

42:24. Сатана их без недоуздка оседлал, друзья.

Адаб включает в себя правильное исполнение зикра, намаза и ряд специфических для того или иного братства занятий и доминирующих проявлений чувств. В братстве Йасавийа это *зикр-и арра*, молитва предрассветное время, плач, аскеза и идеал бедности, затворничество и крайние формы смирения и самоотречения. К правильному поведению по версии Ахмеда Йасави следует и отнести и такие элементы суфийского

поведения как *киллат ат-таам* – мало еды, *киллат ал-манам* – мало сна и *киллат ал-калам* – мало говорение, которые также присутствуют в хикметах: 41:13. На этой дороге любви нельзя пустословить, 41:14. Здесь надо плакать, не смейся над саваном. 130:4. С нутром наполненным [слезами путник] пред зарей не должен спать.

Что же касается приема пищи, то и здесь ходжа Ахмед Йасави ставит перед своими последователями немислимый, практически не совместимый с жизнью пример своего отношения к еде: «(6:17.) За шестьдесят ночей, шестьдесят дней один раз еда».

Рассматривая изначальные основополагающие идеи суфизма А. Кныш наряду с такими важными обрядами как принятие обеда, долгих ночных бдений, сосредоточенности на Боге указывает и на идеал смиренности суфиев [2, с. 13]. Впрочем, не все суфии придерживались принципа смиренности, некоторые суфийские братства допускали действия, которые вызывали серьезные возмущения в мусульманской среде, т.к. они касались не только мирских вещей. Прочтение хикметов шейха Ахмеда Йасави свидетельствует, что он осмысливает и внедряет линию смирения в практику своего братства как неоспоримое качество суфия и идет к смирению не через страх перед Всевышним Аллахом, а через безграничную любовь к Нему.

Шейх Ахмед Йасави, представляя сложный труд становления смирения у суфиев, видит в этом, казалось бы, простом процессе гармонию и красоту: «(39:6) Возлюбленные, испытав страдания, смирились».

Говорит шейх о страданиях, как о телесных, так и о душевных. Переживая их суфии «(62:11) Плача пришли к вратам, в итоге – смиренны», пришли, по версии ходжи Ахмеда Йасави со словами: «(29:12) Ему подчинение мое, Милостивого, Милосердного милость есть».

Самоотречение у суфиев проявлялось в полном отказе от себя и принятии воли Возлюбленного Аллаха, в чем бы она не проявлялась – в милости или гневе. А. Шиммель пишет, что в процессе развития данной тенденции некоторым суфиям даже подобное самоотречение казалось недостаточным, поскольку в нем присутствовала тень сознательной воли и приводит цитату из сочинений Абу Хамида ал-Газали: «Я хочу единения с Ним, а Он хочет разделения; // Поэтому я отказываюсь от того, чего хочу, чтобы осуществилось Его желание» [3, с. 111].

Рассматривая структуру суфийской теории и практики на основе трудов ал-Курайши «*Рисала*» и ал-Газали «*Ихйа улум ал-дин* (Возрождение наук религии», А. Дж. Арберри не выделяет отдельным пунктом аскетизм [4, с. 118–133]. Конечно, это не вовсе не означает, что величайшие теоретики суфизма не придавали значения такому знаковому феномену, как аскетизм, внимание. Аскетические элементы присутствуют у них и в таких состояниях как *зухд* – отказе от дозволенных удовольствий и в *факр* – бедности, однако то, что шейх Ахмед Йасави ставит аскетизм во главу угла процессов более значимых, чем *зухд* и *факр*, представляется особенно знаменательным: «(75:30) Без аскетизма никто знаний не покажет».

Неимение вещей и иной собственности является центральным принципом суфийской жизни, восходящей, согласно убеждениям суфиев, к пророку Мухаммеду, который нуждался только во Всевышнем Аллахе. Традиционным в этом плане было и отношение к неимению у шейха Ахмеда Йасави, который, конечно, ссылался и на Всевышнего Аллаха: (23:28) Если велит Добрый будут даны глаза неимущим, Мухаммад. (23:31) Осчастливь неимущих, открыв завесу пред своим лицом.

Эпитет Добрый (*Латиф*) является одним из имен Аллаха. Величайший учитель суфизма Джафар ас-Садик выделял 4 аспекта Корана, среди которых *латиф* – прикосновение Божественной благодати, открывалось для Святых [5, с. 197]. О неимении высказывались практически все суфийские теоретики. Одним из наиболее известных высказываний о нищете является сентенция шейха Худжвири: «Ее форма – нужда и лишения, но ее суть – богатство и свобода выбора» [6, с. 19]. Она наглядно демонстрирует не только однозначный выбор суфийского мыслителя, но сложность вопроса, требующего нетривиальных выводов. Согласно данному постулату шейх Ахмед Йасави, сам активно, придерживавшийся принципа неимения, дает членам своего суфийского братства следующие практические наставления:

41:15. Весь вид быть должен немощным,

41:16. Здесь не следует твердить о своей любви, друзья.

41:17. Служи главе духовному с желанием,

41:18. Не говори не в коем случае, что вышел на путь без обрыва,

41:19. Если ты достаточно знаешь, в пути есть подаяния бедным.

41:20. Не выходите на этот путь без ведущего, друзья.

(*فطر* *фтр*) – подаяние бедным и нищим после поста. Так же арабское слово *فطر* означает созидать, творить, а *فاطر* – Творец. Здесь ходжа Ахмед указывает братии, что за идеалом бедности, казалось второстепенным по сравнению с молитвой и постом, стоит Сам Всевышний Бог.

Принцип неимения выражен в хикметах не только в призывах стремиться к бедности, но и в формате угроз со стороны йасавийского шейха:

89:102. Ходжи, муллу богатство собравшие повешенными пусть сгорят,

89:103. Глаза сомкни, этот мир страстные пусть возьмут,

89:104. Мясо, шубу [предпочитающих] Истинный, заставив заговорить, бросает оказывается.

89:105. Раб ходжа Ахмед дух твой сказал: Конечно, Ты,

89:106. Обещание даст, никто не произнесет: слава Богу, хвала,

89:107. Если разгневаешься, то, как бы не гневался Ты Всемогущий Бог

89:108. Лживые рабы срок свой от Тебя узнают оказывается.

Не вызывает сомнения, что сам шейх Ахмед Йасави достиг самой крайней степени аскетизма, что подтверждается и историческими и агиографическими данными, а так же содержанием его хикметов.

В главе № 1 нами подробно рассматривался процесс схождения ходжи Ахмеда Йасави в возрасте шестидесяти трех лет в подземную келью – *келует*. Д. ДиУис, исследовав рукопись середины XVI в. «*Жавахир ал-абрар*», приводит уже в своем труде сведения ее автора Хазини о том, что

Йасави для своего затворничества сам выкопал маленький погреб в форме могилы-ниши (*лахд*). В сочинении Хазини указывается и на то, что мечеть была построена вблизи *гунбадх*, и в этой мечети Йасави совершал свои обязательные молитвы. Далее Д. ДиУис пишет, что «Мысль Хазини в упоминании этой мечети заключается, как мне кажется, не в том, чтобы заверить своих читателей о том, что Йасави продолжал совершать свои молитвы в период его подземной жизни, а для того, что навести на историю о том, как Йасави совершал свои обязательные молитвы (в частности истории о чудесном путешествии в Египет). Эти описания, как и те упомянутые ниже, без сомнений были подготовлены на основании непосредственного обследования гробницы Йасави и о традициях услышанных там. Мы знаем из работ Хазини, что его учитель Сайид Мансур совершил *зиярат* к гробнице Йасави. Похоже, что и сам Хазини сделал это. Образы в этих описаниях очень ярки. Там не только относительно аккуратное физическое описание комплекса гробницы Йасави, но и полное описание состояния тела Йасави внутри подземной палаты. Последняя мысль может быть существенной в связи предложенной «родиной» этого цикла рассказов, но сейчас важно упомянуть, что даже эта история в версиях Хазини ясно объединяет несколько традиций. В *Жавахире* делается заключение, что «Он прожил все 120 лет или некоторые утверждают 133, и на протяжении всей своей благородной жизни он не покидал почитаемой ямы, но оставался как те, которые лежат в могилах, обремененный проявлениями в замкнутом помещении». В другой рукописи Хазини «*Жами ал-мурсидин*» утверждается, что Йасави жил в этом месте 57 лет «и ни разу его не покидал на протяжении этого времени» [7, с. 361–362]. Возможны были и крайние формы подобного служения. В рукописи «Тарих-нама» говорится, что только видов уединения (*хилват*), инициированных шейхом Ахмедом Йасави было сорок [8, с. 134].

А. Кныш указывает, что в суфийских знаниях «уход, уединение, одиночество» представлен «термином *халва* (от глагола *хала* – «находится в одиночестве») и занимает существенное место. Пребывание в одиночестве в уединенном месте или келье обычно сопровождалось напряженными размышлениями о Боге и о мире, добровольными лишениями (постом или постоянным бодрствованием), обедом молчания и т.д.» И далее автор определяет, что не будет «преувеличением сказать, что практика *халва* представляет собой один из столпов аскетизма (*зухд*) и подвижничества (*нуск*)» [2, с. 365]. Описывая особенности жизни в братстве Йасавийа Дж. С. Тримингэм отмечает, что в нем «...придавали особое значение аскетическому уединению (*халва*)» [9, с. 87]. По нашему мнению, затворничество и аскетизм являются автономными актами суфийского подвижника, т.к. аскетизм не всегда предполагает уход от людей, а затворничество может протекать и без аскезы. Но без веры в Бога и аскетическое поведение, и полное удаление от людей превращаются в просто странный образ жизни странного человека. О скрывшихся в затворничестве без истинной веры шейх Ахмед Йасави высказался следующим образом: 81:34. От Бога бежавшие неблагородные, от веры бежав, не познают Истину],

81:35. Сто тысяч разных притеснений если вменить не повинуются,
81:36. Не повиновавшиеся любви духан не увидеть.
81:37. Если спросит: Кто невежда. Имя им – несведущие,
81:38. Бога не убоявшиеся неблагородные спрашивая следуют.
81:39. Единичность в ком для тебя – тайну не узнавая,
81:40. О любовь растящих словах вести не принимая,
81:41. В отшельничестве, в уединение внутри удовлетворение не получая,
81:42. Они слияния духа человеческого с Богом – плод от сайида не получают.
81:43. Раб ходжа Ахмед в уединении, в отшельничестве уповай [на Бога],
81:44. Мустафы словам дело приложи.
81:45. Раскаивайся, ночами стоя рыдай, кланяясь.

Как видно из вышеприведенного текста, затворничество не было самоцелью шейха Ахмеда Йасави. Укрывшись от людей, он интенсивно молился, раскаиваясь в своих грехах и рыдая. Так как был убежден в том, что: «(29:13.) Не кающиеся от этого мира не отрекаются, знай, (81:29.) Влюбленные муки навесят [на себя], от души отказываются». И свое убеждение, естественно, передавал послушникам своего братства. Самое главное правила отшельничества и затворничества, которое он определил суфиям, не оригинальны, но предельно требовательны и бескомпромиссны:

130:9. По шариату отшельник от мирского отказывается,
130:10. Не отказавшийся телу, душа пусть не говорит, что стал отшельником.
130:11. В тарикате телом, душой не отказавшиеся, являются трудности испытывающими,
130:12. Не отказавшиеся от тела, душу свою любящими пусть не называют.

Таким образом, затворничество шейх Ахмед Йасави рассматривал лишь как долговременный технический прием, позволяющий отшельнику максимально сосредоточиться на своем внутреннем мире.

Итак, образ жизни в братстве Йасавийа определялся генеральной линией, выработанной шейхом Йасави в согласии с его представлением о *тарики* – пути к Богу, требовавшем концентрации внимания только на Всевышнем Аллахе. Все остальные сферы: научная, политическая, семейно-бытовая, должны были остаться за пределами ханаки. Даже если и братству и всему туркестанскому краю грозила опасность со стороны ненавистником ислама. Известен случай, когда один из правителей в Туркестане шах Абд ал-Халик обратился к своему пиру и родственнику со стороны отца Ахмеду Йасави с просьбой дать ему совет в деле войны правителем-христианином Йусагу, уничтожавшим мусульман. Выслушав просьбу шаха Абд ар-Рахима и его братьев, Ахмед Йасави ответил ему так: «Вы лучше знаете эти дела, и сами сможете принять подходящее решение» [8, с. 207].

Список использованной литературы:

1. Сухорева О.А. История среднеазиатского костюма. Москва, 1982.

2. Кныш А. Мусульманский мистицизм. Москва – Санкт-Петербург. 2004.
3. Шиммель А. Мир исламского мистицизма. Москва, 1999.
4. Арберри А.Дж. Суфизм. Мистики ислама. Москва, 2002.
5. Paul Nwyia S.J. Exegese coranique et langage mystique. Beirut, 1970.
6. Ali ibn Uthman al-Hujwiri. The Kashf al-Mahjub, the Oldest Persian Treatise on Sufism by al-Hujwiri. London, 1959.
7. D. DeWees. Sacred Places and Public Narratives: The Shrine of Ahmad Yasavi in Hagiographical Traditions of the Yasavi Sufi Order, 16 th – 17 th Centuries. Muslim Word, 90/3 – 4. (Fall 2000) pp. 353 – 376
8. Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Алматы – Берн – Ташкент – Блумингтон, : Дайк-Пресс. 2008.
9. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе, Москва, 2002.

Түйіні

Йасауийа бауырластық қоғамының өмір сүру әдебі

Осы мақалада қожа Ахмет Йасауидың хикметтері сопыларға жазылған «инструкциялық» оқулық тәрізді екені анықталады – шейхтер мен мүриттерге қалай әдепті өмір сүру керек? Сопыларға көп сөйлеуге, мол тамақтануға, көп ұйықтауға болмайды. Сопыларға көп мінәжәт ету керек, оңаша жүру керек, Мұхаммед пайғамбардың өмірін өзінше ойлаған олардың бас принциптері бойынша заттардан, дүние-мүліктерден қашу керек. Сопыларға өзіне тән айырықша киініп жүру керек болды, мысалы, шейх Ахмет Йасауи «кулох» бас киімді киіп, «қамар» белбауды тағынып жүріндер деген. Бұл киініс Йасауийа бауырластық қоғамның мүшесі болғандығының белгісі сияқты көрінеді деп болжауға болады.

Summary

Sufi life style in the Yasawiya brotherhood

It is established that the khikmets of hodja Akhmed Yasawi represent some sort of “regulations” - a system of “righteous behaviour” (*adab*) in company with sheikh and murids. Sufis should not talk much, eat much, and sleep much. They should pray much and strive to spend as much time as possible in seclusion. Not owning property is the central principle of Sufi life, which ascends to the Prophet Muhammad according to the beliefs of Sufis. Sufis were also ordered to wear special clothes. In particular, sheikh Akhmed Yasawi called his disciples to wear “kuloh” hats and “kamar” belts, which apparently were the signs of admission to the Sufis of the Yasawiya brotherhood.

Кусаинов Ш. Суфийский образ жизни в братстве Йасавийа
// Казахская цивилизация. – 2009. – № 2 . – С. 41–46.